

Дочь

Все снится: дочь есть у меня,
И вотъ я, съ нѣжностью, съ тоской,
Дождался радостнаго дня,
Когда ее къ вѣнцу убрали
И самъ, неловкою рукой
Поправилъ газъ ся вуали.

Глядѣть на чистое чело,
На робкій блескъ невинныхъ глазъ
Мнѣ почему-то тяжело,
Но все жъ блѣднѣю я отъ счастья,
Крестя ее въ послѣдній часъ
На это женское причастье.

Что снится мнѣ потомъ? Потомъ
Она ужъ съ нимъ, — какъ страшень онъ! —
Потомъ мой опустѣвшій домъ —
И чувствомъ молодости странной,
Какъ будто послѣ похоронъ,
Кончается мой сонъ туманный.

3 октября 1917 года

Щеглы, ихъ звонъ, стеклянный, неживой,
И клень надъ облетѣвшею листвою,
На пустотѣ лазоревой и чистой,
Уже весь голый, черный и вѣтвистый...
О, мука мукъ! Что надо мнѣ, ему,
Щегламъ, листвѣ? И развѣ я пойму,
Зачѣмъ я долженъ радость этой муки,
Вотъ этотъ небосклонъ и этотъ звонъ
И темный смыслъ, которымъ полонъ онъ,
Вмѣстить въ созвучія и звуки?
Я долженъ взять — и, разгадавъ, отдать,
Мнѣ кто то долженъ сострадать,
Что пригрѣваетъ солнце низкимъ свѣтомъ
Меня въ саду, просторномъ и раздѣтомъ,
Что озаряетъ желтая листва
Вѣтвистый клень, что я едва, едва,
Бродя въ восторгѣ по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому...
— Беру большой зубчатый листъ съ тугимъ
Пурпурнымъ стеблемъ — пусть въ моей тетради
Останется хоть память вмѣстѣ съ нимъ
Объ этомъ свѣтломъ вертоградѣ
Съ травой, хрустящей бѣлымъ серебромъ,
О пустотѣ, сіяющей надъ кленомъ
Безжизненно-лазоревымъ шатромъ,
И о щеглахъ съ хрустально-мертвымъ звономъ!

Старинные стихи

Одно лишь небо, свѣтлое, ночное,
 Да ясный кругъ луны
Глядятъ всю ночь въ отверстіе пустое,
 Въ руину сей стѣны.

А по ночамъ тутъ жутко и тревожно,
 Ночные корабли
Свой держать путь съ молитвой осторожной
 Далеко отъ земли.

Свѣжо тутъ дуетъ вѣтеръ изъ простора
 Сарматскихъ дикихъ мѣстъ,
И буйный шумъ, подобный шуму бора,
 Всю ночь стоитъ окрестъ:

То Понтъ кипитъ, въ пескахъ могилы роетъ,
 Ярится при лунѣ —
И волосы утопленниковъ моетъ,
 Влача ихъ по волнѣ.

Встрѣча

Ты на плечѣ, рукою обнаженной,
Отъ зноя темной и худой,
Несешь кувшинъ изъ глины обожженной,
Наполненный тяжелою водой.
Съ нагихъ холмовъ, гдѣ стелются сухіе
Сѣдые злаки и полынь,
Глядишь въ просторъ пустынной Куманіи,
Въ морскую вечернюю синь.
Все та же ты, какъ въ сказочные годы!
Все тѣ же губы, тотъ же взглядъ,
Исполненный и рабства и свободы,
Умершій на землѣ уже стократъ.
Все тотъ же зной и дикій запахъ лука
Въ тѣлесномъ запахѣ твоємъ
И та же мучить сладостная мука,
Безплодное томленіе о немъ.
Черезъ вѣка найду въ пустой могилѣ
Твой крестъ серебряный — и вновь,
Вновь оживеть мечта о древней были,
Моя неутоленная любовь,
И будетъ вновь въ морской вечерней сини,
Въ ея задумчивой дали
Все тотъ же зовъ, печаль времени, пустыни
И красота полуденной земли.

Ив. Бунинъ